Веч. Москва. - 1996. - 17 дек. - с. 5

Новая рубрика: **Рожденные революцией**

Лев КЕРБЕЛЬ:
«О прошлом я не скорблю...»

Проснувшись в канун 79-й годовщины Октябрьской революции, мы узнали, что этот перевернувший жизнь не одного поколения и государства день теперь будет именоваться Днем согласия и примирения. И все равно еще долго мы будем называть праздник 7 ноября «Октябрьскими»...

Будущий год у этой даты, как известно, юбилейный — исполнится 80 лет существования «нынешнего поколения советских людей». Ведь как бы ни относился каждый из нас к переменам последнего десятилетия — все мы, за исключением разве что самых юных, родом из прошлого, так сказать, «рожденные революцией»... В этом прошлом было разное — страшное и доброе, низкое и светлое. А еще это была молодость и судьба наших бабушек с дедами, родителей, да и тех, кому нынче сорок, тоже.

Без прошлого нет ни настоящего, ни будущего. Вспоминается восточная притча, пересказанная хорошим детским писателем. Мальчик нашел горячий камень, разбив который человек мог вернуться в детство и начать жизнь сначала. Но никто не захотел разбить камень, и даже древний старик объяснил так: «Не хочу, чтобы люди говорили про меня: вон пошел молодой дурак, не сумевший прожить одну жизнь и решивший все начать с начала...». Сегодня мы начинаем публикацию материалов о поколении москвичей, явившихся свидетелями и участниками эпохи, уходящей в Историю все дальше. Какие бы ни были мы разные — мы одна семья, иногда под одной крышей, или в одном дворе, одной стране. Для того чтобы понимание, примирение, согласие в нашем большом общем доме под названием Родина было искренним, мы должны научиться выслушивать друг друга и с уважением относиться к мнению, даже несхожему с нашим.

Алла ШУГАЙКИНА

У него цепкий внимательный взгляд, натруженные сильные руки, и вся фигура сбита крепко и ладно. Сидящий передо мной знаменитый скульптор вполне и сам бы мог быть неплохой моделью. Но Лев Ефимович Кербель всю свою долгую жизнь без устали ваял других — простых смертных и людей известных. Началось все с барельефного портрета Ленина, привезенного им в Москву из Смоленска и понравившегося Крупской. Она направила юного Леву с рекомендацией к признанному авторитету — скульптору Меркурову. После его одобрения Кербель поступил в Ленинградскую академию художеств. Потом перевелся в Московский художественный институт, где ректором был известный художник Игорь Грабарь.

— Лев Ефимович, в вашей творческой биографии немало работ, заслуживших признание и коллег, и критиков, отмеченных самыми высокими наградами. Но именно Лениниана дала вам огромную известность. Вы ваяли Ильича долгие-долгие годы, пока не рухнул Союз и не отпала надобность в скульптурных портретах вождя мирового пролетариата. По идее, вам должно быть жаль прошлого, ведь не повернись история поиному, вы до сих пор были бы на виду.

— Действительно, я очень много работал над ленинским образом. Но делал это отнюдь не по конъюнктурным соображениям, а по настроению, вкладывая в работу душу, сердце и способности. Слава Богу, почти все мои памятники Ленину — и здесь, и за границей — целы и невредимы. Быть может, люди поняли, что это не просто «памятники тоталитаризму», как принято сейчас выражаться, а знаки эпохи, произведения искусства? Не забывайте, что и в коммунистические времена существовали определенные творческие критерии, высоко ценились талант и мастерство художника.

Что же касается прошлого, то я о нем не скорблю. Раз так случилось, значит, подобное было угодно госпоже Истории. Я жил честно, мне не в чем себя упрекнуть.

— То есть вы не склонны видеть ушедшее лишь в мрачных тонах? Но художник должен был ощущать на себе один из многих дефицитов того времени — недостаток свободы. «Руководящая и направляющая» ведь зорко следила за тем, чтобы все делалось по ею установленным законам.

Памятник Дружбы советского и китайского народов. Разрушен в годы «культурной революции»

— Не могу согласиться с тем, что мне все навязывалось свыше. Я много и плодотворно работал, был востребован, что самое главное для человека искусства. Теперь к вопросу о свободе. Она была и тогда. Сошлюсь на один пример.

Когда я работал над памятником Марксу в Москве, возник вопрос: где его ставить? Наше высокое партийное начальство приезжало ко мне в мастерскую, потом я предстал пред ясные очи Никиты Сергеевича. Немало робея, задал ему этот вопрос. Хрущев слегка удивился, пожал плечами: «Вы автор, сами и решайте, где ставить». Что я и сделал. Вообще же, если отойти от конкретной личности запечатленного в камне человека, то образованные критики и специалисты всегда признавали эту работу подлинно новаторской в монументальной скульптуре. Сколько было затрачено сил! Вы только представьте себе: мы с бригадой резчиков ваяли памятник из громадной глыбы весом 280 тонн!

— Магия цифр — вещь таинственная, и действие на людей оказывает немалое. Ваша биография началась 7 ноября 1917 года, и всю свою жизнь вы живете неотрывно от этой даты — под вашими руками обретали вторую жизнь пламенные революционеры, преданные партии коммунисты. На стене в вашей мастерской среди множества автографов я узрел такой: «Не надо забывать, что 7 ноября — не только праздник Великой Октябрьской революции, но и день рождения великого Кербеля». Вы довольны тем, как сложилась жизнь? Что чаще всего вспоминается?

— Жизнь удалась — это однозначно. Судите сами — я занимаюсь любимым делом. Отмечен наградами, званиями, титулами. У меня много талантливых учеников. Плохо только то, что лет мне уже немало и я не чувствую большой заинтересованности во мне как в скульпторе. Хотя есть конкретные проекты и неплохие замыслы.

А вспоминается многое: и день поступления в художественный институт, и окончание войны, и счастливые часы работы над образами героев-североморцев, выполненными на фронте между боями. Также навсегда останется в памяти время, когда я в победном 1945 году вместе со своим другом и коллегой Владимиром Цигалем создавал монумент в честь героев штурма Берлина и Зееловских высот. Другими словами, если бы мне предложили начать все сначала, я пошел бы по протоптанному пути к той же самой цели. Только если бы можно было исключить эпизоды трагические, гибель близких людей, ужасы войны, которую я прошел «от звонка до звонка» и получил немало боевых наград...

— Вы сказали, что не чувствуете востребованности своего творчества. Как же так? Работы Кербеля находятся в Польше, Германии, Шри-Ланке, Китае, на Кубе и во многих городах России и бывшего Союза. Народный художник СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, вице-президент Российской академии художеств, профессор. Есть у вас золотая медаль Гете, вы кавалер орденов Маркса, Феликса Варелы и «Болгарии» I степени. Понимаю, что назвал лишь малую толику званий Кербеля-художника, а потому мое недоумение огромно: неужто остались лишь великие воспоминания? Ведь у вас достаточно сил, никуда не делся талант — в чем же дело?

— Увы, сегодня я больше живу прошлым. Силы есть, вы верно сказали, но нет умения лезть напролом, ногами открывать двери высоких кабинетов, выколачивать деньги. К сожалению, сегодня талант не самое главное качество, которым должен обладать художник.

У меня есть проект памятника Петру I («ВМ» рассказывала о нем. — Ред.). Он был одобрен многими инстанциями и подготовлен к 300-летию Российского флота, мол, все прекрасно, замечательно. Решили, что памятник будет установлен в центре Москвы. Но... все меняется, отводят место уже не в центре, а в Измайлове, напротив гостиничного комплекса. Тут снова вмешиваются какие-то таинственные силы, теперь проект заморожен на неопределенный срок. Ссылаются, разумеется, на нехватку средств. Хотя сам Юрий Михайлович Лужков был у меня в студии и обещал содействие. Может быть, мэр прочитает это интервью, вспомнит об этом.

— Назовите, пожалуйста, другие ваши последние работы.

— Хочется прежде всего отметить ту, которую я очень люблю. В музее на Поклонной горе в зале Памяти стоит большая мраморная двухфигурная статуя «Скорбь». Она вырублена из уральского мрамора. Есть и другие, тоже в Москве — памятник военным журналистам у ЦДЖ, монумент маршалу Жукову на одноименном проспекте. Памяти героев ПВО, спасших столицу в годы войны, посвящена большая композиция в Крылатском, ее я создавал совместно с архитектором Евгением Розановым. В этом году выполнил также заказ для мадридского храма Мерседариум — шесть бюстов святых, жертв инквизиции, и алтарь.

— Можете ли вы сказать, что запас вашего оптимизма не исчерпан?

— Конечно, могу. Как я не вижу сплошного негатива в прошлом, так и настоящее время не вызывает у меня только печаль. Меня, столько видевшего на своем веку, трудно удивить. Так уж сложилось исторически: мы в России все время что-то отстраиваем, потом не нравится — ломаем, затем опять созидаем. Я — скульптор, мне знакомы муки творчества, когда приходилось крушить, и не раз, свои творения. И это было страшно больно! А тут в масштабах огромной беспокойной страны! Тем не менее вера в будущее не умирает. Очень важно, на мой взгляд, бережнее относиться к нашей истории, уберечь и не подвергать забвению все лучшее, что было создано вчера. А хорошего было, уверяю вас, немало.

...В мастерской Кербеля живут своей жизнью скульптурные портреты Юрия Гагарина, актрисы Элины Быстрицкой, писателя Бориса Полевого, Героев Советского Союза Василия Петрова, Ивана Колышкина, Николая Лунина, Израиля Фисановича... В каждой из них — характер, свет судьбы, боль пережитого. Прав был великий Роден, утверждавший, что скульптурный портрет может рассказать о человеке не меньше, чем его биография. Художник Кербель вполне солидарен с коллегой. Каждое утро он приходит в свою мастерскую. И снова оживает камень под резцом...

Валерий БУРТ

Фото Анисима СОРКИНА и из архива